

Спокойный голос Хьюза вновь зазвучал:

— Вроде того. Не только один миг, который ты видел, а долгое, медленное накопление времени... Может, секунда, а может, годы, десятилетия или столетия... Сколько именно, я не знаю. Тогда мое сознание было смутным, я просто пассивно наблюдал.

Эти слова общения непосредственно проецировались в сознание Линна.

Даже если Линн не понимал некоторых слов, он все равно мог воспринимать информацию, передаваемую Хьюзом, ведь это было мысленное общение.

Тьма перед глазами Линна вновь рассеялась.

Из темноты засиял иллюзорный свет, и он погрузился на какую-то полную жизни планету, дрейфуя в густой лес, уснув в крошечном яйце насекомого... С изменением сезонов он быстро вылупился и вырос... Божья коровка обрела взрослое тело, легко летала в воздухе, присела на каком-то листке, а затем однажды была случайно проглочена попугаем Ньютег.

— Ты умер? — удивился Линн.

Хьюз, выслушав, странно помолчал мгновение, затем поправил:

— Это была первая смерть.

Картина снова изменилась. Линн увидел снежно-белую самку, отложившую серое яйцо. Глядя на еще яичного Хьюза, он испытывал легкое чувство новизны.

Линну было трудно представить, что он и Хьюз — крупные попугаи, а при рождении вылупились из таких маленьких яиц...

Картина вновь вернулась к темноте, тишине.

Линн открыл глаза, моргнул. Ему казалось, он пережил удивительное путешествие.

— Ваш способ путешествий тоже неплох, — переварив ощущения, смакуя, добавил Линн. — На самом деле, не скучно.

Хьюз, получив похвалу, тоже был в хорошем настроении. Ему очень нравилось так общаться с Линном. Он подумал и сказал:

— Хочешь увидеть свое ментальное тело?

— Можно? — тихо воскликнул Линн, округлив глазки и глядя на Хьюза.

Хьюз серьезно подумал и сказал:

— У любого живого существа на самом деле есть ментальное тело. Думаю, даже ты способен на смену оболочки.

— Даже если ты намного слабее меня, ты все равно значительно сильнее окружающих существ. Если перед смертью поблизости окажется подходящая оболочка, возможно, тебе удастся выжить... Конечно, при условии сохранения памяти.

Сказав это, Хьюз закрыл глаза. Линн снова почувствовал, как перед глазами потемнело, он

вошел в пустой черный мир. Хьюз тихо сказал ему:

— Расслабься...

В темноте вокруг мерцали слабые голубые огоньки. Линн моргнул и увидел, что его окружают светящиеся слабым голубым светом, похожие на облака, образования. Он не видел ни рук, ни ног, он был похож на милое облачко, дрейфующее в черном мире, вокруг него витали мерцающие мелкие светящиеся частицы.

Затем он увидел нечто похожее на него, которое тихонько приблизилось к нему.

Это голубое сияние было очень плотным, даже вызывая у Линна чувство близости и тепла, но оно было намного больше его. Линну даже пришлось смотреть на него снизу вверх.

Плотное сознательное тело перед ним слегка вытянуло похожий на ленту щупалец, который поплыл к Линну. Линн с любопытством смотрел: он хочет прикоснуться ко мне? Линн попытался потрогать его и почувствовал, как из его собственного слабого голубого тела тоже выплыло слабое голубое щупальце, слегка коснувшееся другого. Линн не удержался и мысленно сказал:

— Малыш?

— Это я, — тихо ответил ему Хьюз.

Линн снова не удержался и прикоснулся к нему. У него не должно было быть никаких тактильных ощущений, но почему-то он чувствовал большое тепло, уют... Два сознательных тела разного размера, намеренно или нет, переплелись и слиплись друг с другом. Сознание Хьюза испускало слабое свечение. Дрейфующее пустое сознательное тело Линна медленно стало немного плотнее.

Ему было очень комфортно, сознание затуманилось, и он уснул...

Проснувшись вновь, снаружи уже взошло солнце.

Пробивающиеся внутрь теплые лучи разбудили Линна от биологического сна. Он открыл веки, ветки за пределами дупла были покрыты инеем и снегом.

Даже при высоко стоящем солнце погода оставалась холодной. Линн повернул голову и увидел, что Хьюз тоже проснулся и открыл глаза.

Они по-прежнему сидели в дупле, не двигаясь. Линн ни за что не хотел выпускать тепло с лапок, он максимум мог пошевелить лапками в перьях, потрясти оперением и лениво потянуться.

Линн пока не хотел выходить наружу, но он был счастлив и доволен, ему хотелось мурлыкать песенку.

Белая снежная земля снаружи отражала яркий солнечный свет, наполняя даже дупло теплым сиянием. Линн не удержался и тихонько завел довольную песенку:

— М-м-м, хм-хм-хм, чирик-чирик... — Он пел без всякого лада, без системы, еще неумело, и время от времени вместо слов издавал мягкие чирикающие звуки.

Хьюз рядом повернул голову и посмотрел на пушистый комочек Линна.

Линн все еще ничего не замечал, слегка запрокинув голову, счастливо напевая мелодию.

Пропев немного, счастливый Линн так ничего и не обнаружил.

Но наконец он заметил, что Хьюз смотрит на него, и, склонив голову набок, спросил:

— Что такое?

В глазах Хьюза мелькнула слабая голубая вспышка:

— У тебя начался гон.

— М-м? — Линн замер, перестал петь. — Почему?

— ...Ты официально вступил во взрослый период.

Ч-что?

В сознании Линна осталось только это слово, и даже мысли о пении исчезли.

Подожди, если он стал взрослым, разве Хьюз не тоже? Линн не понимал.

Хьюз как раз читал его ход мыслей и прямо сказал ему:

— Ты опять забыл, что я не настоящая птица? Биологические инстинкты этого тела я еще могу контролировать.

— Разве я не могу их контролировать? — уставился на него Линн.

Взгляд Хьюза говорил именно это.

Линн обиженно замолчал. Он решил, что никогда в жизни больше не будет петь.

Даже если он категорически отрицал и считал, что пение — это просто хорошее настроение, а не гон. Не петь — так не петь.

Хьюз не понимал. Он уловил эмоции раздражения и стыда у Линна, но не понимал, почему Линн раздражен. Из-за стыда из-за гона? Кстати, эмоция стыда — это тоже биологический инстинкт?

Не в силах усидеть в дупле, Линн хлопнул крыльями, встал и выпрыгнул из гнезда, делая вид, что все в порядке, и оглядываясь по сторонам. Им пора было отправиться к озеру, чтобы пообщаться с другими попугаями, нельзя же совсем оставаться без новостей.

Хьюз последовал за Линном, на этот раз благоразумно замолчав.

По пути наружу листва на обширных лесных просторах полностью облетела. Когда-то густой и пышный лес сразу стал пустым, прохладным и тихим, не было слышно ни звука.

Линн мысленно описал:

— Все деревья в этом лесу облысели.

Хьюз... Что у него с этой одержимостью лысиной?

На самом деле, не все деревья «облысели». Хвойные деревья, такие как сосны, были покрыты толстым слоем инея и снега, под упавшим плотным снегом скрывались густые тонкие игольчатые зеленые листья. Белые попугаи Ньютег были не очень заметны на снегу, проскальзывая между ветками, и только черная тень Хьюза отчетливо выделялась на снегу.

Он казался самым черным пятном в полностью белом мире.

Добравшись до берега озера, в лютый мороз только это озеро не замерзло, более того, над ним стелился туман, что совершенно не походило на обычную погоду. Приближаясь к месту приземления, Линн почувствовал, как от воды исходит поток теплого воздуха.

Вода в озере в холодную погоду была теплой.

А на обнажившихся от листвы ветвях у озера, на каждом голом дереве сидело по семь-восемь попугаев. Они сидели не слишком далеко друг от друга, но и не вплотную.

Дрожащие от холода попугаи Ньютег первыми настороженно заметили приближающихся новых товарищей. В основном они смотрели на черную тень Хьюза, и только убедившись, что это не хищник, расслабились.

Линн встал на покрытую льдом холодную ветку, глядя на других попугаев на деревьях. На них тоже лежало немного снега.

Тут было достаточно холодно, его лапки стояли на обледеневшей ветке, все тело дрожало, и он поспешил найти место без льда. Что касается его сородичей-попугаев, они, должно быть, провели прошлую ночь, стоя на деревьях.

<http://bllate.org/book/15502/1395750>